

УДК 343.14

**СТАНДАРТИЗАЦИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ —
ПУТЬ К ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА****Елена Александровна Зайцева**Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. По следам своего выступления на всероссийской конференции 15 ноября 2024 г. автор настоящей статьи обращается к перспективному направлению оптимизации доказывания в уголовном судопроизводстве — стандартизации доказывания в условиях цифровой трансформации уголовного процесса. Стандартизация в таком понимании должна рассматриваться как одно из условий межотраслевой конвергенции процессуальных отраслей права, о которой пишет в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук А. Р. Шарипова, чью позицию во многом разделяет автор данной статьи. Для обеспечения единого подхода к стандартизации доказывания в русле реализации идеи межотраслевой конвергенции необходим координационный орган, способный решать такие масштабные задачи вне отраслевой зависимости. В статье обосновывается возможность возложения подобных задач на Конституционный Суд Российской Федерации. Именно сквозь призму указанной новой миссии высшего органа конституционного нормоконтроля оцениваются его решения на предмет способности реализовать идею межотраслевой конвергенции.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стандартизация доказывания, цифровизация судопроизводства, межотраслевая конвергенция, Конституционный Суд Российской Федерации, правовые позиции

Для цитирования: Зайцева Е. А. Стандартизация доказывания — путь к оптимизации уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 9—15.

**STANDARDIZATION OF PROVING IS THE WAY
TO ENHANCE EFFICIENCY OF CRIMINAL PROCEEDINGS****Yelena Aleksandrovna Zaitseva**

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. Based on the speech at the All-Russian Conference on November 15, 2024 the author of the given article deals with an upcoming trend to enhance efficiency of criminal proceedings that is standardization of proving in the context of digital transformation of criminal procedure. Standardization in such regard should be considered as one of the conditions for inter-branch convergence of procedural branches of law written by A. R. Sharipova in her dissertation for the degree of doctor of juridical sciences. The author of the given article agreed her position. To ensure a unified approach to the standardization of proving in context of implementing the idea of cross-sector convergence one need a coordinating body capable to solve such large-scale problems out of sectorial dependence. The author of the article substantiates the possibility of assigning such tasks to the Constitutional Court of the Russian Federation. It is through the prism of the specified new mission of the supreme body of the constitutional normative control that its decisions are assessed for the ability to implement the idea of cross-sector convergence.

Keywords: criminal proceedings, standardization of proving, digitalization of legal proceedings, cross-sector convergence, the Constitutional Court of the Russian Federation, ratio decidendi

For citation: Zaitseva Ye. A. Standardization of proving is the way to enhance efficiency of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—15, 2025. (In Russ.).

15 ноября 2024 г. в Волгоградской академии МВД России состоялась Всероссийская конференция «Уголовный процесс XXI века: стратегии развития», на которой были представлены доклады с анализом путей совершенствования уголовно-процессуальной деятельности в условиях непростых вызовов современности. Цель данного научного форума — это дискурс о способах оптимизации закона и обусловленной им правоприменительной практики.

С учетом того что уголовный процесс, будучи разновидностью юрисдикционного процесса, просто немислим без доказывания, которое по праву именуется его «сердцевиной», одним из направлений повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности в современных условиях считаем совершенствование доказывания. На нем «зациклены» и аспекты правоприменения (обоснованности установления обстоятельств дела, адекватности определения квалификации и др.), и правообеспечительные аспекты, выступающие компонентом соблюдения процессуальной формы собирания доказательств, и, само собой, именно доказывание в первую очередь испытывает на себе воздействие современных трендов информационного общества.

Естественно, выработка стратегических планов совершенствования масштабных по объему пластов государственной деятельности, каковой является уголовный процесс, требует от научного сообщества формулирования новых концепций и уголовно-процессуальных учений, отвечающих потребностям современности и направленных на оптимизацию непрерывающегося реформирования уголовного судопроизводства. Эти теоретические разработки служат основой для создания проектов федеральных законов, приспособляющих действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) к вызовам современности.

Необходимо учитывать при этом, что любой процессуальный закон, принимаемый в любом государстве, не может быть а priori совершенным. Тому причиной несколько обстоятельств как объективного (законодатель не успевает за стремительным развитием общественных отношений, нуждающихся в нормативном регулировании), так и субъективного характера (низкое качество законодательной техники при разработке проектных новелл, чрезмерная поспешность в попытке урегулировать тот или иной сектор общественных от-

ношений, отражение в тексте закона «лоббистских чаяний» определенных ведомств или интересов и т. д.).

Как правило, новые нормы, регламентирующие различные аспекты доказывания, презентуются правоприменителям и научному сообществу либо в контексте совершенствования технологии доказывания, либо в контексте создания дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, вовлеченных в данную деятельность¹. И это логично: *технологический* аспект «подхлестывает» законодателя в направлении обеспечения актуализации нормативных предписаний в соответствии с запросом практики, живо реагирующей на достижения научно-технического прогресса. А *правообеспечительный* аспект, как правило, иницируется благодаря активной деятельности высшего органа конституционного нормоконтроля, который по обращениям граждан, юридических лиц и судов выявляет уголовно-процессуальные институты и нормы, не в достаточной степени обеспечивающие соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Попытаемся сквозь призму этих двух трендов (технологического и правообеспечительного) определить значимость явления *стандартизации доказывания* для повышения эффективности уголовного судопроизводства.

В толковых словарях русского языка стандартизация в основном толкуется в технологическом аспекте и определяется как «рационализация производства изделий путем сведения многочисленных видов к определенному количеству типовых образцов, стандартов. <...> 2. *Приведение приемов работы к однообразным нормам* (курсив наш. — Е. З.)»², «установление стандарта», «установление в государственном масштабе единых норм и требований, предъявляемых к сырью, полуфабрикатам, материалам, производственным процессам, готовым изделиям, приборам и т. д.»³, а в отрицательной коннотации понимается как

¹ На это справедливо указывает А. А. Афанасьева [1, с. 14].

² Толковый словарь Д. Н. Ушакова онлайн. URL: ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=73929 (дата обращения: 01.11.2024).

³ Толковый словарь иностранных слов онлайн. URL: <https://foreign.slovaronline.com/12526-STANDARTIZATSIYA> (дата обращения: 01.11.2024).

«отсутствие оригинальности, своеобразия; подведение под общий шаблон, трафарет»¹.

Поскольку речь идет об уголовно-процессуальной деятельности по доказыванию, понимание стандартизации в контексте «*приведения приемов работы к однообразным нормам*» в наибольшей степени соответствует задачам нашего исследования.

Возникает вопрос: насколько далеко и глубоко целесообразно *масштабировать* это «приведение приемов работы к однообразным нормам» для нужд доказывания, чтобы повысить его эффективность? Необходимо ли ограничиваться рамками *одного отраслевого регулирования* (например, путем ликвидации чрезмерной дифференциации производства, не обусловленной объективными чаяниями правоприменения), либо в современных условиях возникает потребность в *межотраслевой стандартизации доказывания*?

При ответе на этот вопрос мы склонны придерживаться позиции, обоснованной в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора юридических наук А. Р. Шариповой [2], которая убедительно доказала объективную потребность в условиях современных вызовов осуществлять последовательно *межотраслевую конвергенцию*.

Данный автор четко аргументирует потребность сближения процессуальных отраслей в условиях цифровизации: «Цифровые технологии в юриспруденции формируются и развиваются *вне отраслевых различий в самом праве* (курсив наш. — Е. З.); а «*между отраслями правосудия сегодня существуют довольно искусственные различия*» [2, с. 14]. Действительно, она права: закономерности формирования, сохранения, передачи и использования информации в юрисдикционных процессах едины. Не может отличаться технология применения достижений цифровой действительности в уголовном судопроизводстве и арбитраже. И логично одни и те же технологии вводить «в процессуальный оборот» в едином формате без дифференциации для отдельных отраслей.

Эта, казалось бы, очевидная для понимания вещь сталкивается на практике с объективно накопившимся отставанием уголовного судопроизводства в техническом оснащении и цифровизации. На это обоснованно указывает А. Р. Шарипова, подчеркивая, что «хроническая несовременность

уголовного процесса является препятствием развития, а отношение к цифровизации — только показатель адаптивности, реакции на изменения действительности» [2, с. 41]. В подтверждение этого тезиса она приводит сравнение использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве и арбитражном процессе, что ярко демонстрирует то самое «отставание» уголовного процесса.

Если отечественные процессуалисты рассуждают о возможности и желательности оцифровки материалов уголовных дел, как это сделано в Республике Казахстан, то в арбитражном процессе России уже давно стали реальностью такие явления, которые А. Р. Шарипова называет элементами «электронного арбитражного процесса» и относит к ним:

«— систему подачи исков, жалоб и материалов дела сторонами электронно (система «Мой арбитраж»);

— электронную картотеку всех арбитражных дел с полными текстами всех судебных актов, выкладываемых в общий доступ немедленно после подписания, с возможностью поиска по номеру дела, наименованию сторон, суда, имени судьи;

— банк решений арбитражных судов с возможностью контекстного поиска по документам;

— широкое использование видео-конференц-связи, для которой нужно только наличие технической возможности (совпадение рабочего времени в разных часовых поясах, достаточное число помещений с установленными камерами), без необходимости мотивировки желания участников воспользоваться связью;

— аудиопотоколирование судебных заседаний как устоявшийся основной способ фиксации происходящего в них (и возможность удаленного доступа участников к аудиопотоколам);

— внедрение и стремительное распространение удаленного участия в судебных заседаниях через веб-конференции;

— удаленное ознакомление с материалами дела» [2, с. 43—44].

Многие из описанных технических решений вполне могли бы найти применение в уголовном судопроизводстве, однако консерватизм судейского сообщества, закрытость уголовно-процессуальной системы (в контексте защиты не только персональных данных, но и других охраняемых законом тайн), хроническая недофинансированность уголовного судопроизводства — вся эта «правда жизни» сводит на нет устремления прогрессивных акторов по сближению различных видов судопроизводства.

¹ Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой онлайн. URL: efremova.info/letter/+st.html?page=5 (дата обращения: 01.11.2024).

А. Р. Шарипова полагает, что «конвергенция процессуальных отраслей должна идти *институциональным*, а не концептуальным (включая концепцию судебного права) путем» [2, с. 23]. В этом вопросе хотелось бы с ней частично подискутировать.

Казалось бы, использование для целей уголовного правосудия процедур и институтов, доказавших свою технологичность в других видах судопроизводства, — один из путей оптимизации российского уголовного процесса в новой правовой и «цифровой» действительности. Безусловно, в доказательственном праве любой отраслевой принадлежности есть ядро, образуемое «универсальными институтами», которые не должны иметь необоснованных межотраслевых различий сущностного характера, о чем справедливо пишет А. Р. Шарипова [2, с. 23]. Однако институциональный путь в таком прочтении — это поэтапное сближение отраслей в регулировании отдельных сходных институтов, что чревато стихийностью подобного процесса, учитывая все сложности законотворческой деятельности в различных отраслях права.

Полагаем, отдавать «на откуп стихии» такой важный тренд, как цифровизация процессуальной деятельности, в современных условиях чревато перекосами и дисбалансом в развитии технологий, учитывая *разные стартовые возможности существующих судопроизводств*. Нужна единая стратегия, общая идейная основа для таких масштабных преобразований. Нужен единый центр, который бы задавал тон цифровой реформе в юриспруденции и определял бы вектор ее развития. Какой орган может выполнить эту функцию? Полагаем, только Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ), который своими решениями может выстраивать сходную правоприменительную практику различной отраслевой принадлежности, основанную на адекватном толковании закона в гармонии с конституционно-правовыми смыслами. Такие попытки в практике высшего органа конституционного нормоконтроля уже предпринимались, когда КС РФ формулировал правовые позиции, устанавливая *межотраслевую жесткую преюдицию* серией своих решений по жалобам Суринова Татевоса Романовича 2008—2009 гг.¹, граждан Власенко 2011 г.²

¹ См.: По жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда

Но относительно роли КС РФ в современных условиях хотелось бы высказать некоторые свои критические соображения. С момента «тихой революции»³, обозначившей тренд на создание нормативных основ состязательного уголовного судопроизводства, КС РФ развивал свою функцию конституционного нормоконтроля нередко в условиях правового вакуума, что вынуждало его становиться в «позу активного законодателя» путем формулирования не просто правовых позиций, но и новых отраслевых норм, которые можно было легко выявить в текстах его решений по «сигнальной фразе» — «впредь до внесения изменений в законодательство...»⁴.

Российской Федерации от 15 января 2008 г. № 193-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 4; Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Суринова Татевоса Романовича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2008 г. № 193-О-П: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2009 г. № 366-О-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.11.2024). Документ опубликован не был.

² См.: По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

³ Так назвал В. П. Божьев серию постановлений КС РФ накануне принятия нового УПК РФ, предопределивших его состязательный облик [3, с. 9—11].

⁴ См., например: По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // СЗ РФ. 2017. № 48. Ст. 7299; По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. № 13-П // Там же. 2021. № 17. Ст. 3044.

Следует при этом подчеркнуть, что КС РФ в подобном формате излагал свои правовые позиции не только по уголовно-процессуальной проблематике, фактически создавая новые нормы другой отраслевой принадлежно-

Выполнение указанной функции КС РФ было вынужденным: законодатель не спешил воплощать в жизнь правовые позиции КС РФ (например, только спустя четыре года после вынесения знакового постановления № 5-П 2005 г.¹, определившего основания поворота к худшему в надзорном производстве, отечественный законодатель среагировал федеральным законом от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ², закрепив в тексте УПК РФ условия и порядок отмены вступивших в силу оправдательных приговоров, решений о прекращении уголовного дела и обвинительных приговоров в целях ухудшения положения привлеченного к уголовной ответственности лица).

Безусловно, в условиях подобной «оперативности» законодатель КС РФ искал приемлемые формы гармонизации нормативных предписаний с конституционно-правовыми смыслами, о чем справедливо писал А. В. Смирнов [4]. Логичным итогом подобных поисков стало принятие федерального конституционного закона от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ³, установившего дополнительные гарантии надлежащего исполнения решений КС РФ, ликвидировавшего существовавшую правовую неопределенность в вопросе о статусе истолкований КС РФ, которые должны корректировать и направлять правоприменительную практику в случаях, когда нет объективной необходимости в экстренной отмене норм самого толкуемого акта, не противоречащего положениям Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [5, с. 67—70].

сти, выступая в роли позитивного законодателя и для административного, и для гражданского процессуального права и др.

¹ См.: По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

² См.: О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1268.

³ См.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. конституц. закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2017. № 1, ч. I. Ст. 2.

Значимым с точки зрения роли КС РФ в выстраивании справедливой системы уголовного судопроизводства можно признать постановление № 16-П от 2 июля 2013 г. по жалобе Б. Т. Гадаева⁴, которое вызвало неоднозначную оценку в научной среде: от всемерной поддержки до полного обвинения КС РФ в «словесной эквилибристике, беспринципной, лукавой и однозначно антидемократической» [6]. Так, А. С. Александров и М. В. Лапатников усмотрели в этом решении отказ КС РФ от своих прежних позиций, утверждая, что «состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал», а «понятия свободы, демократии стали несовместимы с понятиями КС РФ, который помогает выстраивать автократию. Слово КС РФ больше не золотое слово. И вряд ли теперь стоит всерьез прислушиваться к нему в поисках права» [6]. Полагаем, что данные авторы не смогли увидеть в этом историческом решении *проявление гибкости позиций КС РФ*, который отошел от категоричного восприятия суда в качестве индифферентной фигуры на шахматном поле состязательности, а подчеркнул его роль активного органа правосудия, способного исправлять правовые ошибки и обеспечивать справедливое разрешение уголовного дела.

Таким образом, мы видим стремление КС РФ соответствовать тому высокому предназначению в системе правового государства, которое в условиях современных вызовов вполне может быть ассоциировано с ролью координатора той самой конвергенции отраслей права по вопросам стандартизации доказывания и процессуальной цифровизации.

Полагаем, совершенно выбивается из этого ряда решений, подтверждающих особую миссию КС РФ, летнее постановление КС РФ «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова» (далее — Постановление № 37-П)⁵.

⁴ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

⁵ См.: По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2024 г. № 37-П // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4442.

Почему мы так заявляем? Основанием к такому заключению выступает подчеркнутое в вышеизложенных суждениях предназначение правовых позиций КС РФ в современных условиях вызовов XXI в.: 1) как источников уголовно-процессуального права, 2) как ориентиров для выстраивания адекватной правоприменительной практики на основе толкований КС РФ, 3) как корректирующих ранее сформулированные позиции решений. Ни одной из упомянутых ключевых ролей Постановление № 37-П не соответствует. Более того, оно содержит в себе разъяснение *очевидных истин*, вытекающих из системного толкования законодательства, осуществить которое может любой студент, обучающийся по правовому профилю.

Какую ценность несет в себе текст из 13 страниц, констатирующий «банальность», которую законодатель уже давно выразил в общей норме ст. 61 УПК РФ, подчеркнув недопустимость совмещения функции свидетеля с рядом процессуальных функций некоторых участников? Рассмотрение оснований для отвода специалиста, закрепленных в ст. 71 УПК РФ, в системном единстве с положениями ст. 61, 70 УПК РФ прямо дает ответ на вопрос о том, что свидетель не может быть приглашен в качестве специалиста по этому делу. Причем, как это было в комментируемом случае, свидетель, заинтересованный в исходе дела, на объективность показаний которого рассчитывать не приходится. Тут срабатывает дополнительное правило отвода («имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела» — ч. 2 ст. 61 УПК РФ). Для констатации этого КС РФ вынес отдельное

постановление (даже не определение!), хотя речь в рассматриваемой ситуации идет о нарушении уголовно-процессуального закона, которое должно повлечь признание недопустимыми доказательствами показаний этих «специалистов» (в прошлом — свидетелей), что в свою очередь нашло бы отражение в решениях вышестоящих судебных инстанций в рамках судебно-проверочных производств.

Попытку оценить значимость анализируемого Постановления № 37-П предприняли специалисты АО «КонсультантПлюс», отметив в обзоре: «Привлечение допрошенного свидетеля к последующему участию в уголовном деле в качестве специалиста ведет к недопустимому совмещению в одном уголовном деле, пусть и на разных стадиях уголовного процесса, одним и тем же лицом разных процессуальных статусов». Но это и так очевидно!

Что касается самого КС РФ, то он в своем Постановлении № 37-П указал на особое «понимание части второй статьи 71 УПК РФ в этом деле в системной связи с иными положениями уголовно-процессуального закона с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении».

Прочтение этих комментариев в совокупности с самим текстом Постановления № 37-П невольно наталкивает автора этих строк на грустные мысли о том, что, возможно, и Конституционному Суду Российской Федерации будет не под силу справиться с масштабной задачей **сближения процессуальных отраслей в целях стандартизации доказывания в условиях цифровой реформы.**

1. Афанасьева А. А. Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2024. 294 с.

2. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2022. 503 с.

3. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9—11.

4. Смирнов А. В. Взаимосвязь видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, их оснований, целей и способов правового толкования // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3. С. 13—20.

1. Afanasyeva A. A. Optimization of the process of collecting evidence on criminal cases in pre-trial proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Ufa; 2024: 294. (In Russ.).

2. Sharipova A. R. Conceptual foundations of cross-sector convergence in judicial proceedings on criminal cases. Dissertation of doctor of juridical sciences. Ufa; 2022: 503. (In Russ.).

3. Bozhyev V. P. "Quiet revolution" of the Constitutional Court in the criminal proceedings of the Russian Federation. Russian justice, 9—11, 2000. (In Russ.).

4. Smirnov A. V. Interrelation of types of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, their basis, goals and methods of legal interpretation. Journal of constitutional justice, 13—20, 2012. (In Russ.).

5. Zaitseva Ye. A. Interpretations of the Constitutional Court of the Russian Federation and law

5. Зайцева Е. А. Истолкования Конституционного Суда РФ и правоприменительная практика // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ВИУ РАНХиГС, 2017. С. 67—70.

6. Александров А. А., Лапатников М. В. Вперед в прошлое (состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал) // ЭЖ-Юрист. 2013. № 30. С. 1—5.

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
zaitceva-expert@rambler.ru

enforcement practice. In: Conceptual approaches to improve the Russian legal system: materials of the international scientific and practical conference. Volgograd: Volgograd Institute of Management — a branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2017: 67—70. (In Russ.).

6. Aleksandrov A. A., Lapatnikov M. V. Forward to the past (the Constitutional Court of the Russian Federation eliminated adversarial proceedings). EZh-Yurist, 1—5, 2013. (In Russ).

Zaitseva Yelena Aleksandrovna,

professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Interior bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
honored worker of the higher school
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor;
zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 27.11.2024; одобрена после рецензирования 04.12.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 27.11.2024; approved after reviewing 04.12.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *